

ПИСЬМО КАК КОМПОНЕНТ ПЕРЕПИСКИ В ПОВЕСТИ М. КУДРЯШОВА «СЕРЫШ ПОРАН» («МЕТЕЛИЦА ПИСЕМ»)

Л. А. Андреева

Письмо относится к древнему виду письменных сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, лишённые непосредственного контакта [1: 628]. Оно сохраняет свои инвариантные признаки в разных сферах общения, хотя вопрос о стилистическом статусе письма и переписки рассматривался многими учеными по-разному [подробнее 2: 13–15]. Нет сомнений в том, что в различных видах писем актуализируются различные стилевые системы языка. И. А. Паперно рассматривает письмо как реплику, модель диалога-переписки, построение которого проявляется на всех уровнях текста: от композиции (рамка из обращения и подписи) и стиля до способа обмена информацией, переключки идей [3: 214–215]. Е. В. Кокунина исследовала переписку как опосредованный диалог по материалам реальной переписки И. С. Тургенева и его повести «Переписка». Автор полагает, что «переписка как обмен письмами между конкретными двумя корреспондентами представляет собой макродиалог – естественную реализацию диалога в его опосредованной форме, когда участники коммуникативного обмена, находящиеся в отношениях взаимоконцентрации, разделены в пространстве и времени, но связаны ситуативной обусловленностью общения» [2: 21]. Многие исследователи отмечали проявление диалогичности в структуре эпистолярного текста [подробнее 2: 17–18]. М. Ж. Чаркич отмечает, что эпистолярное взаимодействие протекает в рамках обязательных правил: конститутивных (не изменяемых для всех видов эпистолярного взаимодействия) и регулятивных (варьирующихся, но все же обязательных в силу их конвенционального характера) [4: 285], которые координируются с признаками устного диалога.

Целью данной работы является анализ языковой реализации конститутивных и регулятивных признаков диалога-переписки на материале повести марийского прозаика М. Кудряшова «Серыш поран» («Метелица писем»), которая была напечатана в журнале «Ончыко» в 2000 году [5]. Данная повесть также была включена в сборник повестей и рассказов М. Кудряшова «Шим шынгалык лйвалны», изданной на горномарийском языке в 2009 году [6].

К конститутивным признакам ОД относят дистантность, письменную форму передачи сообщения, подготовленность, политематичность, что реализуется непосредственно письменной формой передачи сообщений – письмами-репликами, а также различными видами побуждения к ответу.

Регулятивные признаки подразделяют на два вида: во-первых, признаки, непосредственно организующие ОД и координирующиеся с основными признаками устного диалога (попеременный обмен сообщениями, побуждение к взаимодействию); во-вторых, признаки, связанные с проблемой типологизации диалога (социальность, общий фонд знаний коммуникантов, моделирование действительности).

Рассмотрим данные признаки на материале повести М. Кудряшова «Серыш поран», который композиционно построен как попеременный обмен письмами между главными героями Юрием и Клавой. Через письма героев автор произведения показал историю их отношений.

1. Конститутивные признаки:

1.1. *Дистантность*: участники коммуникации прибегают к дистантному общению при отсутствии непосредственного контакта в связи с пространственной и временной разделенностью. Е.В. Кокунина отмечает, что «это требует особого оформления письма, в частности, указания места и даты написания письма» [2: 25]. В анализируемой нами повести в письмах место и дата написания не указаны, однако автор дает нам подсказки по временам года, сколько месяцев прошло и т. д., например: «Мыняр кече эртыш? Тылзе? Утларак докан» [5: 122] 'Сколько дней прошло? Месяц? Наверное, больше'. Герои виделись лишь раз на рас-

стоянии, они никогда не общались друг с другом вживую. Таким образом, создается особое пространство – пространство писем – мир, рассчитанный на двоих.

1.2. Как результат пространственно-временного разделения – *письменная форма передачи сообщения*: корреспонденты, находясь вдали друг от друга, высоко ценят единственную возможность общения посредством переписки [2: 26]. «Возо серыйшым, Клава. Возо, кертат гын, возо, жапет лиеш гын, возо, йӧратыме рвезетым от аптырате гын, возо. Серышет, Клава, мыйын ылышемлан намаш гыч лекше яндар вӱд гай» [5: 89] 'Напиши письмо, Клава. Напиши, если можешь, напиши, если будет время, напиши, если не смутишь любимого парня, напиши. Твои письма, Клава, для моей жизни как чистая родниковая вода'; «Кертат гын, возалте» [Клава – Юре, 5: 109] 'Если сможешь, напиши'.

1.3. *Подготовленность* характеризуется неспонтанностью, продуманностью. Адресант опирается на письмо-реплику, предшествующее его письму-реплике (за исключением инициального письма в структуре переписки). Подготовленность письма-реплики выражается в монологической форме, которая принимает форму нарратива в разных видах: описание, повествование, рассуждение.

1.4. *Политематичность* переписки. Возьмем для примера тринадцатое по счету письмо Юры, оно состоит из: 1) приветствия; 2) реплики благодарности, обсуждения содержания полученного письма; 3) описания погоды и природы; 4) продолжения описания истории об его первой любви; 5) рассуждения о любви; 6) реплики, завершающей письмо, прощание [5: 111–114]. Следует отметить, что одна и та же тема может быть репрезентирована в письме несколько раз, например, в указанном выше письме представлено продолжение истории первой любви Юры, о которой он начал писать уже в предыдущих письмах.

2. **Регулятивные признаки** опосредованного диалога вариативны в зависимости от того, с кем и с какой целью корреспондент вступает в переписку [2: 29].

2.1. Попеременный обмен сообщениями координируется с таким признаком диалога, как переход роли от говорящего к слушающему и наоборот. Специальные показатели, эксплицирующиеся на языковом уровне:

2.1.1. Зачины писем-ответов, подтверждающие получение письма-стимула: «Серышетым лудын лектым. Чон почын возенат. Сандене мылам вашмутым пуыдежат ок лий» [Клава – Юре, 5: 80] 'Прочитала твое письмо. Написал, раскрыв свою душу. Поэтому я не могу не ответить'; «Поро кече, Юра! Серышетлан тау» [5: 90] 'Добрый день, Юра! Спасибо за твое письмо'.

Таким образом, зачины писем-ответов служат продолжением предшествующего письма-реплики, отсылают нас к высказыванию из предыдущего письма. Может быть, не к высказыванию, а к действию, например, Юра отправил открытку, в следующем письме Клава благодарит его: «Тау, Юра, открыкетлан, сӱретлыме сӱрететлан» [5: 86] 'Спасибо, Юра, за твою открытку, за твой рисунок'.

2.1.2. Использование цитат-включений: «Матрешка-влакым мӧнгеш ида колто» [Юра – Клаве, 5: 103] 'Не отправляйте назад матрешки' – «Матрешка-влакым мӧнгеш колташ ок кӱл, манат?» [Клава – Юре, 5: 103] 'Говоришь, что не надо отправлять назад матрешки?'; «Тыге, Клава, тыгай ыле икымше йӧратымашем» [Юра – Клаве, 5: 109] 'Вот так, Клава, такой была моя первая любовь'. – «Тыгай лийын тыйын икымше йӧратымашет» [Клава – Юре, 5: 109] 'Такой была твоя первая любовь'; «Таза лий, тунеммашет ушныжо» [Юра – Клаве, 5: 105] 'Здоровья (букв. будь здорова), успехов в учебе' – «Юра, тыят таза лий! Пашатат тыгак ушныжо» [5: 105] 'Юра, и тебе здоровья! И тебе успехов в работе'.

2.1.3 «Левое смещение» [4: 288] – структуры, содержащие элементы сцепления с высказыванием или темой другого корреспондента: «Мом возедаже, Клава? Кушеч тыгай мут-влакшым муында?... Серышым мый иктылан веле возем, товатат, Клава, тыланда веле. Ынде возенам манаш лиеш. Таче марте. Весылан иктыланат ынде каласкалаш уке лиеш. Серыш-влакым лудыкташ,...» [5: 96] 'Что Вы пишете-то, Клава? Откуда такие слова-то нашли? ... Письма я пишу

только одной, честно, только Вам, Клава. Теперь уже можно сказать – писал. До сегодняшнего дня. Больше никому будет теперь рассказать. Письма давать читать’. – Это отсылка к письму-реплике Клавы: «А тый... Тый кертынат. Чылажымат шуктенат. Иктылан серышым возет, ойгетым каласкалет, умылышо уке, манат. Вesyлан чыла ойлыштат, серыш-влакым лудыктет» [5: 95] ‘А ты... Ты смог. Все успевал. Одной письма пишешь, о своем горе рассказываешь, говоришь, никто не понимает. Другой все рассказываешь, даешь читать письма’.

2.2. Побуждение к взаимодействию и средства его реализации. Выделяются следующие средства:

2.2.1. *Обращение и подпись* входят в рамки обязательного элемента структуры всякого письма. *Начальное обращение* устанавливает контакт, настраивает на восприятие содержания письма, побуждает определенным образом реагировать на речь, раскрывает статус отношений коммуникантов. Лексическое наполнение начальных обращений в повести не отличается разнообразием, чаще всего письма начинаются с фразы: *Поро кече, Клава!* или *Поро кече, Юра!* ‘Добрый день, Клава / Юра’, имеются также варианты: *Клава, поро кече!* и *Юра, поро кече!*; *Клава, салам лийже!* ‘Клава, здравствуй!’ или просто по имени *Клава!*; *Юра!* Некоторые письма начинаются более развернутым обращением: «*Поро кече але весела умыр кас лийже, Юра!*» [5: 86, 89] ‘Доброго дня или веселого доброго вечера, Юра!’ Когда у молодых людей устанавливаются более близкие отношения, письма начинаются с более теплых слов: «*Клава, шергаканем, поро кече! Пеш кузу, шокишо шўм гыч лекше салам дене тый декет Юра*» [5: 89] ‘Клава, дорогая моя, добрый день! С огромным, горячим (букв. с горячего сердца вышедшим) приветом к тебе Юра’.

Обращения внутри письма подчеркивают ситуацию поддержания контакта. Обращения и их частотность в пределах письма свидетельствуют о близких отношениях корреспондентов. В целом, Юра написал всего 21 письмо, Клава – 18, письма Юры № 2, 19 и 20 остались без ответа. Частотность употребления обращений в письмах показано в таблице. В первой и второй строке показаны количество писем, которые написал Юра и количество зафиксированных в них обращений соответственно (приняты во внимание только обращения внутри письма). В третьей и четвертой строке представлены количество писем и встречающихся в них обращений от имени Клавы. Пропущенные столбики указывают на безответное письмо.

Ю	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
	8	11	1	24	8	15	18	1	7	5	8	16	9	10	3	4	9	3	8	5	9
К	1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17			18
	3		7	6	10	0	2	8	4	6	6	6	3	9	5	4	8	6			14

Можно заметить интересный момент: чем длиннее и эмоциональнее письмо, тем больше в них обращений (это больше характеризует письма Юры). Пятое письмо (выделено жирным шрифтом) Клава написала в порыве злости, поэтому внутри письма нет ни одного обращения. Е. В. Кокунина отмечает, что «нулевое обращение» характерно для частной переписки, когда корреспонденты находятся в близких дружеских или интимных отношениях; другой вариант – признак ссоры, проявление неуважения [2: 34].

В письмах молодые люди чаще всего обращаются друг к другу по имени. Стоит отметить, что, если в первых письмах чаще всего они обращаются друг к другу на «Вы», то в дальнейшем происходит переход на «ты»: «*Клава, шарнеда ик шуматкечым?*» [5: 73] ‘Клава, помните одну субботу?’; «*Клава, тендан шинчаончалтышдам нигунам ом мондо*» [5: 73] ‘Клава, я никогда не забуду ваш взгляд’; «*Возо веле, Клава, возо серышым, ит чарне*» [5: 88] ‘Только пиши, Клава, пиши письма, не останавливайся’; «*Ала, Юра, могай мыйын ончалтышем ужында?*» [5: 80] ‘Не знаю, Юра, какой такой мой взгляд увидели?’; «*Ида саке вуйым, Юра*» [5: 80] ‘Не отчаивайтесь, Юра’; «*Эх, Юра, молан возашыже тўнальыч гын?*» [5: 86] ‘Эх, Юра, зачем только писать-то начал?’; «*Ит ойгыро, Юра, шўметым ит йўкшыктаре*»

[5: 87] 'Не грусти, Юра, не тревожь своё сердце'. Особенностью организации писем является то, что в одном и том же письме могут быть обращения на «Вы» и «ты», например: «*Серышетым лудын лектым. Чон почын возенат. Сандене мылам ваимутым пуыдежат ок лий. Ик семынже ок кўл ыле. Те мыйым ода пале, мый – тендам*» [Клава – Юре, 5: 80] 'Письмо твое прочитала. Написал, раскрыв свою душу. Поэтому я не могу не ответить тебе. С одной стороны, не надо бы. Вы меня не знаете, я – вас'; «*Чыте, Юра. Илышет кеч-могай йёсö гынат. ... Шонем, куанымат эше ужыда. Мый тыланда кызыт чыла сайым веле тыланен кодам*» [там же] 'Терпи, Юра. Какой бы трудной не была твоя жизнь. ... Думаю, что увидите еще и радость. А сейчас я желаю вам всего самого хорошего'.

По мере развития отношений молодых людей в письмах Юры начинают появляться более теплые обращения: *Клава, шергаканем...* [5: 88, 89, 90] 'Клава, дорогая моя', но у Клавы есть любимый человек, поэтому она его просит: «*Ит возо тетла «шергакан» шомакым*» [5: 90] 'Не пиши больше слово «дорогая». Время проходит, письма становятся все более длинными и откровенными, позади недопонимание и недомолвки, причиной которых стала подруга Соня, Юра раскрывает перед Клавой свою жизнь и душу, теперь уже Клава пишет ему: «*Тыят мылам, Юра, шергакан улат. Ты шомакым мый ынде ике возем*» [5: 110] 'Ты мне тоже, Юра, дорог. Теперь уже сама пишу тебе это слово'. Далее в письмах Юры часто встречается это обращение, а также *шўм падырашем* 'кусочек сердца моего', *ике Клавам* 'моя Клава'. Юра пишет ей о своей любви, поэтому в последних письмах появляются слова *йöратем* 'я люблю', но Клава не разрешает ему говорить о любви, так как её сердце отдано другому молодому человеку, Саше. В его руки (снова при помощи Сони) попадают письма, которые Юра писал Клаве. Саша пишет единственное письмо Клаве, в котором прерывает с ней отношения: «*Юралан возымо серыйшетым иктымат ужсын омыл. Но рвезын серыйшыжым лудын, умылаш неле огыл, мом тый возенат. Пытартыш серыйшлаштыже чўккыдынак «шергакан», «йöратыме» мут-влак палдырнат. ... Кодо, переге ике йöратымашетым. Переге Юралан*» [5: 123] 'Я не видел ни одного письма, написанного тобой Юре. Но, прочитав его письма, не сложно понять, что писала ты. В последних письмах часто встречаются слова «дорогая», «любимая». ... Оставь, береги свою любовь. Береги для Юры'. Как говорит Клава, «*Эх, Саша, тый умыленат да ... нимат умылен отыл*» 'Эх, Саша, ты понял и ... ничего не понял'. Свою единственную настоящую любовь Клава берегла для него.

Основная функция *подписи* – поддержание установленных отношений между корреспондентами. Лексическое наполнение в повести не отличается разнообразием. С подписью происходит аналогичная начальному обращению ситуация, т. е. по мере развития отношений подписи становятся все более развернутыми. Если в первых письмах подписи были *Чеверын. Юра / Клава* 'До свидания. Юра / Клава', то в последующих появляются варианты: *Чеверын, шергакан Клава. Юра* [5: 89] 'До свидания, дорогая Клава. Юра'; *Чеверын. Шокишо салам дене тый декет Клава* [5: 89] 'До свидания. С горячим приветом к тебе Клава'. В середине их отношений происходит размолвка, недопонимание, Клава пишет Юре сердитое письмо (№ 5 по приведенной выше таблице), обвиняя его в том, что он раскрыл их переписку Соне, прося его больше не писать писем и вернуть ее фотографию. Это письмо осталось без подписи. Автор комментирует: «*Шыч чыте, Клава, возышыч. Чеверынат шыч ман*» [5: 95] 'Не стерпела, Клава, написала. Даже не попрощалась (букв. до свидания не сказала)'. В дальнейших письмах снова идет повтор ситуации от начального варианта подписи *Чеверын. Юра / Клава*. 'До свидания. Юра / Клава' до более развернутых: «*Чеверын. Шокишо салам дене тый декет Клава*» [5: 111] 'До свидания. С горячим приветом к тебе Клава'; «*Чеверын, шергаканем. Юра*» [5: 117] 'До свидания, моя дорогая. Юра'; «*Чеверын, Юра. Чыла сайым сугыньлен Клава*» [5: 120] 'До свидания, Юра. С наилучшими пожеланиями, Клава'. Когда Юра уезжает в Москву, а Клава собирается выходить замуж, и они думают, что прощаются навсегда, Юра пишет письмо с подписью «*Чеверын, чеверын, чеверын... Юра*» [5: 121]. Клава пишет свое последнее письмо, в котором она сообщает, что выходит замуж «*Сашалан огыл, кудым мый йöратенам. Юралан огыл, кудым мый чаманенам*» 'Не за Сашу, которого я

любила. Не за Юру, которого я жалела', а за совершенно другого человека и заканчивает письмо: «*Чеверын... чеверын курымеш. Клава*» [5: 128] 'Прощай... прощай навеки. Клава'.

Таким образом, обращение и подпись демонстрируют динамику и эмоциональный накал отношений субъектов переписки, что подчеркивается соотношением личных местоимений «ты» и «вы», лексическим наполнением и частотностью самих обращений и подписей, которые в анализируемой нами повести свидетельствуют о ситуации попеременного сближения и расхождения корреспондентов.

2.2.2. Фатические операторы установления, развития и завершения контакта. Переписка как ОД строится по традиционной схеме реального диалога и представляет собой ряд «фатических ситуаций» [2: 38]: ситуации начала контакта, его поддержания, завершения.

Для фазы установления контакта характерно использование клишированных реплик, настраивающих на восприятие содержания письма, побуждающих определенным образом реагировать на речь, а также сигнализирующих о статусе отношений коммуникантов: «*Серышетлан тау. Ит өпкеле веле, вигак возен шым керт*» [Клава – Юре, 5: 90] 'Спасибо за твое письмо. Только не обижайся, не могла сразу ответить'; «*Пеш кузу, шокишо шым гыч лекше салам дене тый декет Юра. Серышетым налам, нимогай эм ок кўл, сусыр чонем корштымым ок шиж, икежсат ала-кушто мўндырно-мўндырно чонештымла чучам*» [5: 89] 'С огромным, горячим приветом к тебе Юра. Получаю твоё письмо, никакого лекарства не надо, моя раненая душа не чувствует боли, кажется, что я сам летаю где-то далеко-далеко'. В ответном письме приводится продолжение мысли предыдущего письма: «*Уремыште шошо. Кузе тый шижстарышыч, Клава*» [5: 106] 'На улице весна. Как ты и писала, Клава'; «*Шошо нерген тыге сайын возышыч. Молан Соня нерген трук йодын шындышыч?*» [Клава – Юре, 5: 107] 'Так хорошо написал о весне. Почему вдруг внезапно спросил про Соню?'

В фазе завершения контакта также используются клишированные реплики – финальные реплики, закрепляющие определенный уровень отношений: «*Чыла сайым сугынльен, Юра*» [5: 106] 'С наилучшими пожеланиями, Юра'; «*Чеверын. Шокишо салам дене тый декет Клава*» [5: 89] 'До свидания. С горячим приветом к тебе, Клава'; «*Чеверын, Клава. Тыгерак изи серышетым кошартем*» [5: 109] 'До свидания, Клава. Так завершаю свое небольшое письмо'. Финальные реплики демонстрируют вторую грань отношений корреспондентов, поддерживая достигнутое согласие в способе ведения диалога.

Действия участников в основной фазе гораздо менее ритуализированы, но фатические операторы могут присутствовать в любой части письма. Используются модальные слова, реплики оценочной семантики, побудительные конструкции (напишите мне, сообщите / известите меня), пожелания, вопросительные реплики разного характера, провоцирующих ответную реакцию: «*Ида өпкеле веле. Вашмутым вучен кодам гынат, тидлан ўшанаши ок лий*» [Юра – Клава, 5: 74] 'Только не сердитесь. Хотя и жду ответа, в это поверить невозможно'; «*Вашмутым ида возо маньын ом керт. Тендан ойгыдам пален. Но ода возо гын, сайрак лиешиле*» [Клава – Юре, 5: 80] 'Я не могу Вам запретить писать. Зная Ваше горе. Но, если Вы не будете писать, будет лучше'; «*Тетла ом возо. Йодмыда семын. Теат ида возо*» [Юра – Клава, 5: 82] 'Больше не напишу. Как и просили. И Вы не пишите'.

2.2.3. Реальные вопросительные высказывания

В переписке основную роль выполняют вопросы, которые требуют реального ответа. Как правило, в следующем письме содержится не только ответ на заданный вопрос, но и новый вопрос – корреспонденты меняются ролями, получается диалог: «*Эше ик гана мыйым куандаре, Клава. Уло вет фотокартычкет? Колто, кертат гын*» [5: 90] 'Еще один раз обрадуй меня, Клава. Есть ведь фотография? Отправь, если можешь' – «*Фотокартычкемым йодат. Ончалнем манат. Ала-мом ышташ? Кўлеш мо тылат фотокартычкемже? ... Мом ышташ, Юра? Колташ, уке?*» [5: 91] 'Просишь мою фотографию. Говоришь, хочешь посмотреть. Что делать? Нужна ли тебе моя фотография? ... Что делать, Юра? Отправить, нет?'; «*Клава, кузе Соня танет ила?*» [5: 106] 'Клава, как поживает твоя подруга Соня?' – «*Молан Соня нерген трук йодын шындышыч?*» [5: 107] 'Зачем вдруг внезапно спросил про Соню?'; «*Кузе кертат? Молан тыге ыштентат? Ыдырын ойго дене пиалым сулен налнет?*

Шке ойгетым шöрынет?» [Клава – Юре, 5: 95] 'Как ты можешь? Зачем так сделал? Горем девушки хочешь счастье свое получить? Свое горе унять?' – *«Мыняр йодыш, мыняр шоны-маш. Чылалан вашмутым мумо шуэш. ... Весылан иктыланат шке ойгетым ынем шаре, ўдырын ойго дене шке пиалем ынем суло. Поснак тылат, Клава. ... Мом возедаже, Клава? Кушеч тыгай мут-влакшым муында? Кö нуным тендан шўмыштыда ылыжстен? Клава, каласыза, нимат ом умыло»* [5: 96] 'Сколько вопросов, сколько раздумий. На все хочется найти ответы. ... Никому другому не хочу распространить свое горе, и горем девушки не хочу получить свое счастье. Особенно твоим, Клава. ... Что Вы пишете-то, Клава? Откуда только такие слова нашли? Кто их зажег в Вашем сердце? Клава, скажите, ничего не понимаю'. Но эти последние вопросы и мольба Юры остались без ответа. В первых письмах молодых людей мало вопросительных высказываний, но в последующих письмах их все больше, иногда можно наблюдать целый поток вопросов, показывающих сильное переживание отправителя: *«Йöратымаш, могай тудо? Клава? Кугу ойго годым кертеш мо айдеме йöратымаш нерген монден? Тудо пылым ок кычал мо? Молан Света тыге ыштен? Ала шўмыш вочио йöратымаш тыгай пенгыде лийын огыл?»* [5: 114] 'Любовь, какая она? Клава? Во время большого горя разве может человек забыть о любви? Разве он не ищет помощи? Почему Света так сделала? Или любовь в сердце не была такой сильной?' – *«Мыняр йодмашым пуэт, Юра? Мыламже вашмутым пуаш куштылго огыл»* [5: 114] 'Сколько вопросов задаешь, Юра? Мне-же не легко давать ответы'.

Встречаются в письмах и этикетные вопросы, которые отражают заинтересованность корреспондентов друг в друге, о состоянии дел, здоровья, самочувствии: *«Юра, кузе илет? Тазалыкет могай?»* [5: 102] 'Юра, как поживаешь? Как твое здоровье?'.

В анализируемых письмах наиболее частотными являются экспрессивные вопросы, выражающие эмоции: *«Эх, Юра, молан возашыже тўнальыч гын?»* [5: 86] 'Эх, Юра, зачем писать-то начал?'; *«Ай, молан тидыжым тылат возем, Юра?»* [5: 87] 'Ай, зачем это-то я пишу тебе, Юра?'; *«Клава, молан возенат серыйшым? Молан мыйын шўмешем угыч чон йöсым ылыжтышыч? Ой, Клава, мом возем мыйже, мом воземже?»* [5: 87] 'Клава, зачем написала письмо? Зачем в моем сердце снова зажегла горе души? Ой, Клава, что я-то пишу, что пишу-то?'; *«Клава! Молан тыге шонемже, молан тыге шўмемже вургыжеш? Кöн верч тыге чонем йöслана?»* [5: 90] 'Клава! Почему я так думаю-то, почему сердцу так тревожно? Из-за кого так душа болит?'; *«Ах, мом ыштем?»* [Клава – Юре, 5: 91] 'Ах, что я делаю?'

Письма Юры полны переживаний из-за своего ранения, которое привело его к инвалидности и одиночеству, он пишет вопросы Клаве, но задает их скорее себе: *«Ынде кöлан кўлам? Йолдымо, ошкыл кертдыме. Молан шочынам гын? Молан тыге пўрен?»* [5: 73] 'Теперь кому я нужен? Без ног, не способный ходить. Зачем только я родился? Почему так?'; *«Ну кöлан, кöлан кўлыт тыгай ен-влак? Самырык курымыштым мо верч кўрлыныт? Кö нуным умыла? ... Кöлан ме кўлына, Клава? Ну, кöлан? Сонялан мый ынде ом кўл. Тудо вучен мо мыйым? Молан тудлан йолдымо Юра кўлеш?»* [5: 115] 'Ну кому, кому нужны такие люди? Из-за чего они оборвали свои молодые жизни? Кто их понимает? ... Кому мы нужны, Клава? Ну, кому? Соне я теперь не нужен. Разве она ждала меня? Зачем ей нужен безногий Юра?' Как отмечает А.А. Сарафанова, «письмотворчество служит своеобразной терапией для героя, пытающегося оправдать свое существование в этом мире», «инструментом, вскрывающим «проблемные зоны» в психике героя [7: 163]. Часто корреспондент задает вопрос и сам же на него отвечает: *«Ах, Клава, тидым умылет гала? Тиде ылым? Умылет, конешне, кузе от умыло»* [5: 88] 'Ах, Клава, понимаешь ли ты это? Эту жизнь? Понимаешь, конечно, как не понимаешь'; *«Клава, каласе, мом ышташ ыле мылам тунам? Кодаш. Кодаш, конешне»* [5: 113] 'Клава, скажи, что я должен был сделать тогда? Остаться. Конечно, остаться'.

2.3. Факторы, определяющие тип эпистолярного диалога, реализуются в таких регулятивных признаках ОД, как социальность, наличие общего фонда знаний корреспондентов, моделирование действительности.

2.3.1. Социальность. В рассматриваемой нами повести Клава относится к Юре как к другу, она часто это подчеркивает в своих письмах, поэтому тип переписки можно определить, как дружеский, в то же время Юра испытывает к Клаве более глубокие чувства, поэтому здесь также уместно говорить об интимной переписке. Чем ближе знакомятся субъекты переписки, тем откровеннее становится их общение, что выражается в особой экспрессивности, эмоциональности речи.

2.3.2. Общий фонд знаний корреспондентов. В анализируемой нами повести предварительный общий фонд знаний корреспондентов невелик, их объединяет только мимолетная встреча: *«Клава, шарнеда ик шуматкечым? Ынде тылзат пеле эртен. Те Соня дене коктын урем дене каеда ыле. ... Клава, тендан шинчаончалтыидам нигунамат ом мондо»* [5: 73] 'Клава, помните одну субботу? Теперь уже больше месяца прошло. Вы с Соней вдвоем проходили по улице. ... Клава, ваш взгляд никогда не забуду'. Однако по мере их знакомства, отношения становятся все более близкими и разговоры все более откровенными, особенно у Юры, который делится с девушкой всей своей жизнью, переживаниями, мечтами, радостью и горем. Как он пишет в одном из писем, *«рвезат ўдыр гаяк, тудынат чонжым почын кол-тымыжо шуэи, уло шўм дене кутыралме шуэи»* [5: 109] 'и парень схож с девушкой, ему тоже хочется раскрыть свою душу, поговорить от всего сердца'. М. В. Рябинина отмечает: «Эпистолярный диалог между Юрием и Клавой позволяет героям в очень доверительной, дружеской манере варьировать тематику рассуждений, поэтому персонажи касаются самых разных сторон жизни, которые им интересны» [8: 120].

2.3.3. Моделирование действительности подразумевает экспликацию корреспондентами собственной картины объективной действительности. Практически в каждом письме Юра пытается представить собственное отношение к миру, к окружающим, к себе, пытается «выговорить себя» через изложение своей, личной точки зрения по тому или иному вопросу, вербализации своих нереализованных мечтаний. Например: *«Ме чонештылынна. Коктын. Мўндыркў. Мланде ок кой. Мемнан капна уке. Капым коденна. Йолдымо капым. Сусыр капым. Мыйын капемым. Тыйынымат. Ме уке улына. Ме чонештена. Ик тичмаш»* [5: 119] 'Мы летали. Вдвоем. Далеко. Земли не видно. У нас нет тела. Мы оставили тело. Безногое тело. Больное тело. Мое тело. И твое. Нас нет. Мы летим. Одно целое'. Участник диалога старается высказать свою точку зрения и тем самым убедить в чем-либо другого корреспондента или привлечь его внимание, пригласив к полемике, что подразумевает продолжение начатой эпистолярной коммуникации, например, Клава – Юре: *«Ом пале, Юра, мынярышке серышым возен шуктена? Саша толеш, шергашым кучыкта гын? Шкеже ок ойло, но шижаши неле огыл. Просто маннем: умыло, Юра, тунам возаш мылам ок лий. Умыло»* [5: 107] 'Не знаю, Юра, сколько еще сможем писать письма? Вдруг придет Саша и сделает предложение? Сам не говорит, но догадаться не сложно. Просто хочу сказать: пойми, Юра, потом мне нельзя будет писать. Пойми'. – Ответ Юры: *«Умылем, Клава, чыла умылем. Толын шуэи тиде куан жапет, шергашым кидыи налат, йўратыме рвезет дене ылышетым кылдет, мылам тыйым лач шокушын саламлаш веле кодеи. Да ылыи корнет гыч коранаи»* [5: 108] 'Понимаю, Клава, все понимаю. Придет эта радостная для тебя пора, возьмешь в руки колечко, соединишь свою жизнь со своим любимым человеком, мне останется только горячо поздравить тебя. И уйти из твоего жизненного пути'.

Таким образом, переписка как обмен письмами между конкретными двумя корреспондентами представляет собой естественную реализацию диалога, выражающейся в конститутивных и регулятивных признаках. В переписке повести М. Кудряшова «Серыш поран» особо яркое выражение находит моделирование действительности, многое, что узнает читатель о героях, о произведении в целом, он узнает из писем персонажей. Письма отличаются частотностью обращений и вопросов, выражающих сильную экспрессию, эмоции.

Литература

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / Под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
2. Кокунина, Е. В. Переписка как опосредованный диалог: лингво-прагматический аспект : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 [Текст] / Е. В. Кокунина ; Череповецкий гос. ун-т. – Череповец, 2005. – 200 с.
3. Паперно, И. А. Переписка как вид текста. Структура письма [Текст] / И.А. Паперно // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974, I (5). – С. 214–215.
4. Чаркич, М. Ж. Стереотипное и творческое в эпистолярном дискурсе [Текст] / М. Ж. Чаркич // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. научн. тр. – Пермь, 2001. – С. 284–301.
5. Кудряшов, М. Серыш поран [Текст] / М. Кудряшов // Ончыко. – 2000. – № 2. – С. 72–128.
6. Кудряшов, М. И. Шим шынгалык лывалны: повесть день шайыштмашвлä [Текст] / М. И. Кудряшов. – Йошкар-Ола: Мары книгä изд-во, 2009. – 249 с.
7. Сарафанова, А. А. Классическая форма эпистолярного романа и ее трансформация в 20 в. [Текст] / А. А. Сарафанова // Известия Российского педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 107 – с. 159–165.
8. Рябина, М. В. Эпистолярная форма как средство психологизации повествования в повестях М. Кудряшова «Серыш поран» («Метелица писем») и З. Катковой «Сар ок лий ыле гын» («Если бы не война») [Текст] / М.В. Рябина // XIII Игнатьевские чтения: материалы докладов и выступлений на Республиканской научно-практической конференции, посвященной памяти д-ра филол. наук, проф. Л. П. Васиковой. – Йошкар-Ола, 2014. – С. 118–124.